

Козлова Елена Сергеевна – научный сотрудник, социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: lenchik-irk@yandex.ru

Kozlova Elena Sergeevna – Research officer, Social Laboratory of Regional Issues and Innovations, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: lenchik-irk@yandex.ru

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Академия Генеральной прокуратуры РФ, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, тел.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of state-legal courses, Irkutsk Law Institute, brunch of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation, 1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, tel.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

УДК 308

Конкурирующие концепции геополитического положения России и оценки перспектив Иркутской области

П. Л. Попов

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние, регионально-политические аспекты основных концепций цивилизационного и геополитического положения России (западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм»). Развитие Восточной Сибири (и в частности Иркутской области) является органичным приоритетом для евразийства и «изоляционизма», и в складывающейся геополитической ситуации влияние именно этих концепций, особенно «изоляционизма», усилится.

Ключевые слова: западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм», региональный приоритет, перспективность, Иркутская область.

1. Введение

Анализ положения, значения того или иного региона страны, его преимуществ и недостатков в сравнении с другими регионами – одна из традиционных тем экономической географии. Такого рода анализ всегда опирается на объективные характеристики региона, но во многом зависит и от мировоззренческих установок субъекта оценки. Применительно к анализу положения любого макрорегиона или крупного субъекта РФ к числу таких установок следует отнести представления о месте

России в системе культурно-исторических общностей стран (цивилизаций) и геополитических союзов.

Конкурирующие концепции, выражающие представления о месте России в мире – западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм», имеют и внутренние, регионально-политические аспекты, способны влиять на оценки значимости и перспектив Сибири, и более конкретно – Восточной Сибири, Иркутской области. Именно влиянию этих систем знаний на оценки перспектив Иркутской области и посвящена данная статья. Вместе с тем мы попытались оценить перспективность самих этих концепций в геополитической обстановке нашего времени. Поскольку мировоззренческие установки, воспринимаемые политической элитой и массовым сознанием, способны оказывать влияние на региональную политику страны, сравнительная оценка перспективности этих концепций является и оценкой (в особом срезе, аспекте) перспектив Иркутской области.

Каждая из рассматриваемых концепций является и культурологической (цивилизационной), и геополитической. Поэтому необходимо краткое соотнесение геополитического и цивилизационного подходов.

2. О соотношении геополитического и культурологического (цивилизационного) подходов

Цивилизации и геополитические союзы – разного типа общности. Эти понятия (соответственно, цивилизационный и геополитический подходы) не должны смешиваться. Вместе с тем, связи между цивилизационными и геополитическими отношениями, несомненно, существуют.

Цивилизационный подход – это рассмотрение страны в системе ее сходств и различий, а также в системе культурных связей, в системе обмена знаниями с другими странами.

Геополитический подход – это рассмотрение страны в системе отношений конкуренции и союзничества с другими странами. К геополитической сфере мы относим и разработку установок по оптимальному распределению ресурсов между регионами страны, в интересах ее развития.

Вполне ясно, что цивилизационное сходство стран в некоторой степени является фактором, благоприятствующим их союзничеству. Любая страна, являющаяся устойчивой геополитической единицей, сформировалась в результате объединения отно-

сительно сходных в цивилизационном отношении основных частей. Подобным образом страны относительно сходные в цивилизационном отношении, более способны, по сравнению со странами, далекими в цивилизационном отношении, образовать иного типа геополитическую единицу – союз стран (экономический, военно-политический).

Немало примеров в мировой истории, когда крайняя жестокость проявлялась в столкновениях социумов, принадлежащих к разным цивилизациям, а еще более – в столкновениях цивилизаций и «варваров».

Но цивилизационное сходство (а не только цивилизационное различие) оказывается сопряженным с факторами формирования конфликтов. Родственные (особенно близкородственные) в этнолингвистическом отношении страны нередко являются соседями. Сходные по природным условиям страны также нередко являются соседями – и несомненно, что сходство природных условий формирует и многие общие явления в экономике, ментальности. И наоборот, ментальное, культурное сходство и этнолингвистическое родство могут способствовать распространению сближаемых этими отношениями социумов в сходных природных средах (например, экспансия европейских народов на северном краю ойкумены), а значит, и на соседних территориях.

Соседство является фактором, способствующим не только связям, но и конфликтам. Это известно давно. Древнеримский историк Корнелий Тацит (I в. н. э.), говоря о евреях и арабах, отметил, что оба народа испытывали друг к другу «ненависть, обычную между соседями» [1, с. 189].

Культурное сходство благоприятствует и союзничеству, и соседству; соседство благоприятствует и культурному сходству, и противоречиям, способным перейти во вражду.

Нередко в гражданских войнах проявляется не меньшая, а то и большая жестокость, чем в войнах между разными народами, – см., например, описание захвата г. Кремоны во время гражданской войны в Римской империи в I в. н. э. у того же Тацита [1]. Крайней жестокостью характеризовались и действия Англии против Ирландии во времена О. Кромвеля. Это был конфликт между цивилизационно близкими, соседними, сформировавшимися в сходных природных условиях народами. Одна из самых жестоких войн в истории Европы и мира – это, бесспорно,

Тридцатилетняя война XVII в. И это была война между западными европейцами, ее частью был конфликт между немцами. Повидимому, в таких случаях возможен особый психологический механизм: чужаку свойственно быть врагом, но родственник по крови, по вере, по языку, превратившийся во врага, – отступник, изменник (значит, хуже обычного врага).

В борьбе за людей, за их лояльность чаще сталкиваются родственные политические, мировоззренческие силы. Известны слова Александра Невского: «Восток хочет наше тело, Запад – нашу душу». Запад был во всех отношениях ближе, потому и имел возможность претендовать на «душу».

Таким образом, влияние цивилизационного сходства стран на их геополитические отношения не является однозначным. Конфликтов между цивилизационно близкими странами было не меньше, чем между цивилизационно далекими, но связей, союзничества – определено больше.

Поэтому установка на геополитическое сближение с цивилизационно близкими странами достаточно обоснована – прежде всего стремлением воспользоваться преимуществами союзничества, кроме того, стремлением снизить риск конфликтов, в отношениях цивилизационно близких стран нередко высокий.

3. Концепции положения России в системе стран мира

Вопрос о положении России в системе мировых цивилизаций (культур, культурно-исторических типов) – один из ключевых в отечественной культурологической мысли. За рубежом ему также уделяется немалое внимание. Все многообразие мнений по данному вопросу можно свести к четырем концепциям. Еще раз подчеркнем, что все они являются не только культурологическими, но и геополитическими.

Прослеживается стремление рассматривать страны, в данной концепции признаваемые цивилизационно близкими России, в качестве ее потенциальных геополитических союзников. Подобным образом указанные цивилизационные идентификации России проявляются и во внутренних регионально-политических установках: имеется стремление развивать регионы страны, наиболее близкие (территориально, культурно) странам, которые считаются цивилизационно близкими России (у западников, славянофилов, евразийцев) или наиболее важные для обеспечения самодостаточности России (у изоляционистов).

Рассмотрим эти концепции подробнее.

Западничество. Это исторически самая ранняя концепция цивилизационного положения России – если под концепцией понимать построение культурологического, научного типа. Западничество в узком смысле слова, как культурологическая концепция, сложилось в 1830-е гг. (П. Я. Чаадаев, И. С. Тургенев, С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский и т. д.). Как линия практической политики, западничество, однако, существует с гораздо более раннего времени (начиная по крайней мере с Петра Первого). Согласно западникам, Россия – часть западной (христианской, европейской) цивилизации.

Западничество в его разных вариантах акцентирует соответственно разные явления, связывающие Россию со странами европейской цивилизации. Суммарно этот круг явлений таков: общая культурная преемственность с античностью (Древней Грецией, Древним Римом, Византией), общность традиционной религии (христианство), этнолингвистическое родство (принадлежность к индоевропейской языковой семье, сходство по составу генофонда), северное (по сравнению с другими великими цивилизациями) географическое положение. Отмечаются также исторически глубокие политические и культурные связи Руси-России и Европы.

В геополитическом отношении западничество тяготеет к развитию отношений со странами Запада (в наше время – к идеям вступления в НАТО, Евросоюз). В области внутренней геополитики западничество наиболее гармонирует с установками на приоритетное развитие европейской части страны, особенно Северо-Запада (как региона, относительно близкого Западной Европе).

Славянофильство. Это направление мысли возникло в первой половине XIX в., отчасти в полемике с западничеством. Poleмика отражала коллизии происходившей европеизации России, ее вовлечения в конфликты между европейскими народами, и традиционалистскую реакцию на эти процессы, особенно на их негативные следствия.

Славянофильство (по крайней мере раннее) в некоторых отношениях близко к западничеству, поскольку славяне – часть европейской общности народов. Славянофилам не чуждо сознание общеевропейского единства. Согласно высказыванию одного из наиболее радикальных славянофилов, Н. Я. Данилевского [2],

славянам предстоит борьба за достойное место в семье арийских народов. Здесь под семьей арийских народов, явно имеется в виду Европа, европейская цивилизация. Но славянофилы подчеркивают отличие славян от западных европейцев (романо-германцев, по терминологии Данилевского), отличие православия от католицизма и протестантизма, политическое значение православия. Сближению славянской и православной идеи способствует то обстоятельство, что традиционная религия большинства славян и большинства славянских народов – православие.

Для славянофильства органичны идеи максимально возможной интеграции России, Украины, Белоруссии, может быть, и некоторых других славянских стран. Были идеи экспансии на юго-запад, овладения Константинополем (у поздних дореволюционных славянофилов). Во внутренней геополитике для славянофильства органично приоритетное развитие европейской части, но скорее Центрального Нечерноземья и Центрального Черноземья (самый славянский из русских регионов), бассейна Черного моря.

Сильная сторона славянофильства, как и западничества – связь (хотя и иначе трактуемая, чем в западничестве) с традиционным, исторически глубоким кругом идентичностей. Понятие «славяне» принадлежит не только узкому кругу профессионалов, оно фиксируется массовым сознанием как славянских народов, так и их соседей, в том числе враждебным сознанием.

Очевидная слабость славянофильства как геополитической концепции, проявившаяся еще в XIX в. и начале XX в., – недооценка тяготения большинства славянских народов к Западу, вопреки славянской и православной идентичности.

Евразийство. Евразийство возникло в 20–30-е гг. XX в., в белоэмигрантской среде, в некоторой преемственности с традициями позднего славянофильства, но отразило и понимание нереалистичности ряда его ключевых геополитических идей. Значительное влияние на евразийство оказали классики западноевропейской геополитики, прежде всего Х. Макиндер [3].

Историческим фоном становления евразийства было определенное отчуждение России от Запада, произошедшее после Октябрьской революции. Вместе с тем в это время сохранялись территориальные приобретения Российской империи в Центральной Азии, сделанные в конце XIX в., и нарастал процесс постепенного усиления значения Поволжья, Урала, Сибири в разных сферах жизни страны.

Согласно взглядам основоположников евразийства, выраженных, например, в «Манифесте евразийства» [4], восточные славяне ближе в цивилизационном отношении «туранским» народам (тюркские, монгольские, угро-финские народы в границах Российской империи и СССР), чем к западным и южным славянам, не говоря уже о других народах Европы. А туранские (в том числе тюркоязычные) народы Российской империи-СССР цивилизационно ближе к восточным славянам, чем, например, к туркам. Это культурологический аспект раннего евразийства. В геополитическом аспекте евразийство (в том числе современное) тяготеет к сближению с народами Азии (не только «туранскими»), а также с Германией. (Как с континентальной страной – вслед за европейскими геополитиками евразийцы, в том числе современные, придают большое значение оппозиции «море – суша» и трактуют сходство стран в данном отношении как основание для союзничества). Во внутренней геополитике для евразийства органично стремление к развитию глубинных, высококонтинентальных макрорегионов России (Поволжье, Урал, Сибирь).

Слабость культурологических взглядов ранних евразийцев очевидна, особенно в наше время, когда усилилось значение религиозных различий между славянами и большинством «туранцев». Геополитические установки раннего евразийства, по крайней мере внутренние, сохраняют большее влияние в современном евразийстве.

«Изоляционизм». Это самая поздняя концепция. «Изоляционизм» утвердился как направление российской геополитической мысли в совершенно новой (по отношению к эпохам становления западничества, славянофильства, евразийства) реальности – т. е. во время распада СССР и становления постсоветской России. «Изоляционизм» отразил поиск путей адаптации к этой новой реальности.

Нужны уточнения относительно названия «изоляционизм», представляющегося не вполне удачным, неточно отражающим содержание концепции (поэтому мы ставим его в кавычки). Термин «изолированный» в областях знания, разрабатывающих классификационную проблематику, например в лингвистике, означает не «блокированный, лишенный внешних связей», а «своеобразный, типологически обособленный». Именно это значение подразумевается и в данном случае.

Может быть, более удачным для обозначения рассматриваемой нами концепции был бы термин «дистинктивизм» (от англ. *distinct* – отдельный, особый, индивидуальный, различный).

Согласно классификации А. Тойнби [5] существует несколько стран, каждая из которых является отдельной цивилизацией. Это, например, Китай, Индия, Япония, Иран; иногда он включал в число таких стран Россию. В отечественной науке представление о России как особой цивилизационной и геополитической единице развивал В. Л. Цымбурский [6]. В духе концепций подобного типа высказывались политические руководители современной России. Так, В. В. Путин употреблял термин «государство-цивилизация» применительно к России. С. В. Лавров говорил, что мы исторически развернуты на Запад, Восток, Север и Юг. Это можно понять так, что мы не вполне принадлежим ни к Северу, ни к Югу, ни к Западу и к Востоку, мы со всеми и ни с кем, сами по себе.

Во внешней геополитике для «изоляционизма» органична идея опоры на собственные силы. Во внутренней геополитике «изоляционизм», как и евразийство, стремится к приоритетному развитию глубинных макрорегионов России (Поволжье, Урал, Сибирь). При этом В. Л. Цымбурский подчеркивал, что эти макрорегионы – не Евразия, а Срединная Россия [6]. Не то важно, что эти макрорегионы находятся в «Хартленде», в глубине континента, вблизи культурно близких, как считают евразийцы, тюркоязычных стран; важно то, что они занимают центральное положение в современной России. (На наш взгляд, это изменение акцентов и термина существенно). Как и евразийство, «изоляционизм» тяготеет к идее самодостаточности страны, к развитию внутреннего рынка; но разница – в том территориальном объеме, в котором мыслится самодостаточный геополитический субъект (для современного евразийства это либо некая надгосударственная структура типа евразийского союза, либо государство, воссозданное в границах СССР; для «изоляционизма» – Россия в современных государственных границах). Это различие взаимосвязано с множеством других различий в культурологической и геополитической областях.

Для «изоляционизма», в сравнении с тремя другими рассматриваемыми концепциями, органично стремление к большей комплексности, равномерности распределения ресурсов внутри страны (если страна опирается на собственные силы, то приори-

теты развития, в том числе региональные, многочисленны и разнородны, это вполне очевидно). Вместе с тем для «изоляционизма» органично более сильное, по сравнению с другими типами, стремление к сосредоточению ресурсов на задачах внутреннего развития страны (а не на внешнеполитической, внешнеэкономической активности).

Очевидная слабость «изоляционизма» – в случае его развития в сторону автаркических установок – противоречие с важнейшим значением международных связей в интеллектуальной, в частности научно-технологической, деятельности. (Значение таких связей – это и геополитический, и культурологический факт.) В наше время самодостаточность страны, особенно в силовой сфере, определяется в огромной степени ее научно-технологическим потенциалом (включающим науку, фундаментальную и прикладную, образование, высокотехнологичные производства). В научно-технологическом отношении ни одна страна мира не является самодостаточной. Для России огромное значение научно-технологической сферы определяется и геополитическими факторами, и суровыми, в целом, природно-климатическими условиями – чем они суровее, тем технологические факторы важнее.

Как известно, геополитические, культурологические прогнозы – дело неблагодарное: нередко события развиваются неожиданным образом. Но из этого правила есть исключение, заслуживающее пристального внимания. Два факта, относящихся к будущему (в долгосрочной перспективе), вполне ясны: не за горами новые научные революции, по практическому значению не уступающие предыдущим, и основное значение в них будут по-прежнему иметь Западная Европа и США.

Из стремления к геополитической самостоятельности, самодостаточности следует и стремление к генерированию и заимствованию технологических инноваций; а значит и к интенсивным контактам с другими странами, прежде всего западными. В этом пункте «изоляционизм» обнаруживает внутреннее противоречие и соприкасается с западничеством – но не в его колониальном варианте.

Мы уже говорили, что каждая из рассмотренных концепций исторически специфична – отразила коллизии, особенно актуальные в эпоху ее формирования. Возникает вопрос – какие гео-

политические факторы, обстоятельства актуализируются последние 10–15 лет? Как в контексте этих процессов выглядят исторически сложившиеся концепции цивилизационного и геополитического положения России? Определенно можно сказать, что сейчас формируется геополитическая обстановка, не благоприятствующая славянофильству и западничеству как геополитическим концепциям. Усиливается отчуждение от Запада; большая часть славянских стран включена в его геополитическую орбиту. (Подчеркнем: культурологические аспекты западничества и славянофильства остаются в силе; но можно констатировать углубляющееся расхождение между культурологическими и геополитическими фактами, по крайней мере, в сфере межгосударственных отношений). Растет и понимание уязвимости геополитических связей с большинством стран, входивших в СССР, – это обстоятельство не благоприятствует евразийству. Не может вызывать сомнений полезность развития связей со странами бывшего СССР; но зависимость от них России в наиболее важных вопросах, например в обеспечении продовольственной безопасности, будет восприниматься (в складывающихся условиях – особенно) как неоправданный риск. Вместе с тем необходимость углубления политических связей со странами Азии, в том числе Восточной, может усилить интерес к установкам евразийского типа в их геополитическом аспекте (но едва ли в культурологическом аспекте, поскольку эти страны цивилизационно слишком далеки от России). Более вероятно усиление тенденций изоляционистского типа (в геополитической мысли; но они окажут влияние и на культурологическую мысль).

4. Об оценках положения Иркутской области в связи с геополитической проблематикой

Для славянофильства и западничества, акцентирующих принадлежность России к Европе, Сибирь, тем более Восточная Сибирь, в частности Иркутская область, – это регионы, не входящие в число приоритетных. Но для евразийства и еще более для «изоляционизма» Восточная Сибирь – один из приоритетов. Акцентировка необходимости опоры на собственные (в пределах современных государственных границ) силы (более свойственная «изоляционизму», чем евразийству) неизбежно влечет за собой и акцентировку значения Сибири. В Сибири находится большая часть природных ресурсов России. Поволжье (частич-

но), Урал, Сибирь до Байкала – это часть территории России, в общем, наиболее удаленная от самых сильных, соседних с Россией, геополитических акторов, ее территориальное ядро. При новой индустриализации России (которая объективно неизбежна) это обстоятельство наверняка будет учитываться. Необходимость развития Дальневосточного региона (обусловленная многими факторами) требует и развития территориального ядра страны – иначе пространство России будет недостаточно континуальным и потому недостаточно прочным.

Характеристики Иркутской области (срединное, и вместе с тем, несколько смещенное к востоку территориальное положение, обеспеченность разнообразными природными ресурсами, значительный образовательный и научный потенциал) особенно ценны в рамках тех геополитических концепций, которые, весьма вероятно, будут иметь наибольшее влияние на мировоззрение политической элиты России и на массовое сознание в долгосрочной перспективе. Это обстоятельство способно стать одним из факторов ускоренного развития Иркутской области.

Список литературы

1. Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. – Л., 1970. – Т. 2. –
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995. – 574 с.
3. Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, 20-й век. – М., 2003. – С. 9–30.
4. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997.
5. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Айрис пресс, 2003. – 590 с.
6. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы / В. Л. Цымбурский. – М., 2007. – 544 с.

Competing Conceptions of Position of Russia in the System of Civilizations and Estimation of Irkutsk Region Perspectives

P. L. Popov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Inner aspects of traditional conceptions of position of Russia in the system of civilizations (occidentophilism, Slavophilism, «isolationism», eurasianism) are considered in the article. The development of East Siberia, Irkutsk Region in particular, is an overriding priority in terms of eurasianism and «isolationism». In changing political situation the influence of these conceptions, especially «isolationism», is increasing.

Keywords: Slavophilism, occidentophilism, «isolationism», eurasianism, regional priority, perspective, Irkutsk Region.

Попов Петр Леонидович – кандидат философских наук, ведущий инженер лаборатории теоретической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: plp@irigs.irk.ru

Popov Petr Leonidovich – Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Engineer of Laboratory of Theoretical Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: plp@irigs.irk.ru

УДК 323.174

Гетерогенный фактор в определении регионализации федеративного общества

И. В. Раньжина

Волжский гуманитарный институт (филиал Волгоградского государственного университета), г. Волжский

Аннотация. Любая страна характеризуется территориальной неоднородностью, если не по одному признаку, так по другому. Для политической регионализации интересны территории, которые характеризуются политически значимой неоднородностью, и те признаки, по которым данная территория действительно неоднородна. Для изучения феномена субнациональной регионализации целесообразно ввести понятие «территориально неоднородная (гетерогенная) страна (государство)».

Ключевые слова: гетерогенность, регионализация, федеративное государство, территориальная и этническая неоднородность, политическая система, многосоставное общество, территориальные сегменты.

Политическая структура государственной территории развивается под воздействием внешних (экзогенных) факторов, а также в результате действия внутренних (эндогенных) факторов, непосредственно связанных с политическими процессами. Уменьшение пространственной неоднородности (дифференциации) создает благоприятные условия для укрепления единства государства, развития общенационального рынка, гармонизации социально-экономических преобразований. Усиление неоднородности, наоборот, ослабляет единство общества и государства, затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований, увеличивает опасность региональных кризисов, межрегиональных (межэтнических) конфликтов и дезинтеграции национальной экономики [5, с. 41].

В политологии существует родственное понятие, с помощью которого изучается неоднородность социума. Это – «многосо-